

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА

В. В. Шелохаев, К. А. Соловьев

Либеральные оценки Февральской революции 1917 года

***Шелохаев
Валентин
Валентинович,***
доктор исторических
наук, профессор,
руководитель центра
«История России
в XIX — начале
XX в.» Института
российской истории
РАН (Москва, Россия)

***Соловьев
Кирилл
Андреевич,***
доктор исторических
наук, главный
научный сотрудник,
Института
российской истории
РАН (Москва, Россия)

Согласно либеральной концепции общественного развития страны, Февральская революция 1917 г. должна была стать своего рода итогом долголетних мечтаний оппозиции о формировании в России подлинно демократического политического режима. Революция мыслилась как политическая и конституционная, вслед за которой последовала бы реализация именно либеральной модели переустройства России. Однако, как это часто случается, сам характер политического процесса в первые месяцы после Февраля буквально на глазах «взламывал» либеральную теоретическую концепцию революции, что вынуждало ее сторонников вносить коррективы в свои исходные представления, программные установки и тактический курс.

Цель данной статьи — проследить динамично менявшееся восприятие российскими либералами политического процесса с февраля по октябрь 1917 г. На протяжении этого периода и либералы, и их политические союзники по правительственной коалиции (разумеется, при учете разногласий между ними) полагали, что Февральская революция, открывшая собой длительный процесс демократического развития России, должна завершиться созывом Учредительного собрания и принятием им судьбоносных постановлений. Для решения этой исследовательской задачи авторами

настоящей статьи в качестве основного источника взята либеральная печать данного периода, в которой «день за днем» с максимальной информационной плотностью фиксировались малейшие изменения в представлениях и настроениях либералов о происходящем в России. В результате обработки информации из газет («Отечество», «Речь», «Русская свобода», «Русские ведомости», «Русское слово», «Свободный народ») и журналов («Вестник Европы», «Русская мысль») авторами сформирован банк данных, вполне репрезентативный для осмысления представлений либералов о самой Февральской революции и о последующем этапе развития.

Материалы подчеркивают очевидный факт: потрясения весны 1917 г. стали неожиданными для всех участников политического процесса, в том числе для либералов. Казалось бы, за плечами либеральной оппозиции был опыт революции 1905–1907 гг., скорректировавший их прежние представления о путях смены режима, годы думской деятельности, совместной работы в Прогрессивном блоке. Более того, во время Первой мировой войны в либеральной среде до бесконечности обсуждались вопросы формирования «ответственного» и «коалиционного» правительства, не менее оживленно муссировались слухи о том или ином варианте «дворцового переворота». И все же начавшаяся Февральская революция застала либералов, как, впрочем, и все другие политические партии, врасплох. Никому из партийных лидеров не удалось точно определить ни времени «старта» революции, ни поведения правящей элиты. В отличие от социалистов, которые как раз рассчитывали на насильственное свержение самодержавия, либералы неизменно позиционировали себя решительными и последовательными противниками таких методов политической борьбы. До Февральской революции либеральная оппозиция оставалась лояльной к институту монархии. И лишь после ее крушения в марте 1917 г. либералы предоставили решение вопроса о будущем государственном строе России Учредительному собранию¹. В отечественной и зарубежной историографии убедительно показано, что русская либеральная оппозиция демонстрировала стремление найти компромисс с монархией и совместными усилиями вывести страну из политического кризиса².

В конце февраля — в начале марта 1917 г. могло показаться, что действительно открылась новая эра в истории России. «Тяжелый камень спал с души; мы не только освободились, мы очистились, мы вымылись от грязи, прилипшей к России», — писал князь Е. Н. Трубецкой в начале марта 1917 г.³ Схожим образом описывал ситуацию П. Б. Струве: «Мы пережили историческое чудо. В отличие от чудес внешних, то, которое совершилось над нами, не только изменило окружающую нас обстановку, оно прожгло, очистило и просветило нас самих. Ураган, над нами пронесшийся и сметший вековые здания человеческих учреждений, прошел чрез наши души и принес им новый воздух. Мы дышим теперь не тем воздухом, которым дышали три-четыре недели тому назад»⁴.

Победа стихийного массового движения в Петрограде и в регионах над старым самодержавным режимом, который фактически рухнул, как подгнившее дерево, заставила либералов пересмотреть свое отношение к монархии, признав революцию «демократической», «общенациональной» и «общенародной». Это движение следовало возглавить, дабы оно в итоге приобрело политическую

и правовую форму. Правда, уже в самом начале марта 1917 г. в газетных публикациях либеральной печати чувствовались ноты сомнения и скепсиса — давали о себе знать первые грозные признаки расползания власти и соответственно надвигавшейся анархии⁵.

В конечном счете ни либералам, ни какой-либо другой политической силе так и не удалось обуздать народную стихию, которая в буквальном смысле слова тащила за собой все без исключения политические партии. Безудержный революционный процесс оказался вне всякого контроля политических партий, которым так или иначе приходилось считаться с этим историческим фактом. Исключением не стали и либералы, приступившие по «свежим следам революции» к корректировке своих программ и тактик. Была надежда, что разрушительная стихия рано или поздно должна превратиться в созидательную. «Революция выдвинула сейчас две цели: уничтожение обломков старого режима и быстрое строение нового здания русской государственности на общественных началах»⁶. Благодаря событиям февраля–марта 1917 г. из политической и правовой практики было изъято все, что противоречило идеалам народного движения: «Революция, если не формально, то фактически, отменила все постановления, несовместимые с новым режимом, основанным на народовластии»⁷. Могло показаться, что общество, освободившись от пут полицейского контроля, сможет наконец самоорганизоваться, создать новые формы социальной и политической консолидации. «Разрушен механизм старой полиции, выродившейся в аппарат политического сыска и профессионального взяточничества. Общество создает свою добровольческую милицию. Обанкротились старые казенные органы, ведавшие продовольственное дело. Общество образует свои комитеты, советы, комиссариаты, которые стремятся урегулировать снабжение населения продуктами питания. Будущему законодателю предстоит трудная, но и благодарная задача использовать этот общественный подъем и найти наиболее целесообразные формы и средства для направления, для “канализирования” этой “живой воды” общественной энергии»⁸, — писала «Речь».

На первых порах процесс самоорганизации пытались возглавить сами либералы. Благодаря многолетнему опыту деятельности в стенах Таврического дворца, укреплению своих позиций в массовых общественных организациях в годы Первой мировой войны, либеральная оппозиция сыграла ключевую роль в формировании первого состава Временного правительства, в определении его курса на ближайшую перспективу. Однако период совместных усилий либеральной оппозиции оказался весьма кратковременным. Несмотря на сохранение противоречий по программным и тактическим вопросам, еще более возросших амбиций ее лидеров, либеральная оппозиция как единое целое поначалу попыталась сгруппироваться вокруг кадетской партии, ставшей одной из ведущих правящих партий в постфевральской России. Тем не менее уже после апрельского правительственного кризиса 1917 г. противоречия внутри либерального сегмента общественного движения вспыхнули с новой силой⁹.

Либеральный лагерь не был монолитен. Настроения среди либералов динамично менялись. В связи с этим целесообразно вычленив ряд этапов в развитии постфевральского революционного процесса, что позволит лучше представить смену акцентов в либеральных оценках происходящих в стране событий.

Вплоть до апреля 1917 г. в либеральной прессе в целом преобладало оптимистическое видение перспектив развития страны¹⁰. Что касается сравнительно редких критических выпадов в адрес Совета рабочих и солдатских депутатов и лидеров социалистических партий, то они были весьма умеренными и даже в чем-то снисходительными. Это была позиция сильного, готового терпеть чересчур самоуверенного младшего партнера. В февральско-мартовские дни кадетские политики были убеждены в том, что Временному правительству, в котором они играли одну из ведущих ролей, так или иначе удастся удержать развитие революционного процесса в стране под своим контролем. Кому-то могло даже показаться, что революция практически закончилась. Грандиозное событие уже совершилось. Осталось лишь обжиться в новом интерьере. Газета «Речь» писала 20 апреля: «Русскую революцию уже принято называть великой. И в самом деле, события последних февральских и первых мартовских дней были не только великими, но, быть может, даже величайшими в нашей современной истории. Мы как-то слишком быстро освоились с мыслью о них, чтобы сколько-нибудь правильно и исчерпывающе оценить их. В сущности, мы даже не осознали их вполне и зачастую они начинают снова казаться нам фантастическим сном»¹¹.

В это время либеральных политиков по преимуществу интересовали два главных момента. Во-первых, они считали своим долгом разъяснять на страницах своей печати важность не допустить, а в случае необходимости — заблокировать любые попытки справа реставрировать свергнутый режим. Недаром либеральная печать поддержала репрессивные мероприятия Временного правительства против правых монархистов (аресты их лидеров, закрытие органов печати)¹². Одновременно либеральная пресса выступала с предостережением в адрес Совета рабочих и солдатских депутатов, который своими «самочинными» действиями (имеется в виду прежде всего Приказ № 1) и «максималистскими» требованиями «разжигал аппетиты толпы», провоцировал «противостояние между трудом и капиталом», ослабляя тем самым мобилизацию сил страны в борьбе против стран Германии и ее союзников¹³.

Одновременно в либеральной печати самым подробнейшим образом разъяснялся каждый шаг Временного правительства в деле подготовки системных реформ преобразования России, обеспечения ее национальной безопасности, улучшения правового и материального положения широких масс. Основная идеологическая установка либералов сводилась к тому, чтобы убедить российское общество: только Временное правительство было способно мирным реформистским путем удовлетворить его «вековые чаяния» и «законные требования». В этих целях либеральные публицисты «разжевывали» каждый новый закон Временного правительства, каждый его шаг в той или иной сфере жизнедеятельности¹⁴. Это была попытка фронтального идеологического воздействия на общественное мнение и массовое сознание.

Либералы исходили из того, что реализация их программных требований — приоритет в работе Временного правительства, которое не могло терпеливо дожидаться созыва Учредительного собрания. Кабинет министров «принял на себя «обязательство» перед страной «установить» теперь же все «свободы». Органические статуты по всем этим вопросам будут изданы в свое время законодательной

властью, установленной учредительным собранием, на точном основании конституции, принятой народом; временное же правительство пока должно обеспечить все эти свободы населению в порядке временных положений. Оно должно не только точно и ясно указать, какие статьи действующего права отменяются ныне и с какими последствиями, но и издать ряд новых узаконений. Провозгласить “свободы” — это еще не значит “установить” их. Все эти понятия свобод суть *понятия правовые*»¹⁵.

Многие либералы полагали, что в феврале 1917 г. если не сама революция, то ее политическая фаза окончательно завершена и в дальнейшем должен последовательно осуществляться цикл взаимосвязанных реформаторских преобразований в сфере правовых, социальных, экономических, национальных, конфессиональных отношений, в области демократизации народного образования и развития культуры¹⁶. Революция вступала в стадию долговременного строительства, которое требовало от населения здравомыслия и терпения. Это касалось и земельного вопроса, разрешение которого не могло быть скоротечным. В частности, крестьянам следовало спокойно дожидаться результатов работы Главного земельного комитета¹⁷. Преобразования должны были так или иначе коснуться всех сфер жизни общества. В сущности, речь шла о радикальном переформатировании всего общества, в котором должны были смениться приоритеты. Так, по мнению известного историка и общественного деятеля М. И. Ростовцева, вместе с победой революции господство чиновничества, наконец, должно быть замещено подлинным уважением к науке, а ученые должны были обрести новый — высокий — социальный статус. Чинопочитание должно было смениться интересом к знанию. По мнению Ростовцева, это было важно не только для деятелей науки, но и для России в целом, так как способствовало интеллектуальному росту страны¹⁸.

Либералы не уставали напоминать, что революция должна была вступить в фазу конструктивного строительства. В этой связи они выступали с предостережениями в адрес некоторых представителей социалистических партий, которые рассчитывали на дальнейшую эскалацию революционного процесса, неуклонное перерастание политической революции в социальную. Либеральная пресса была вынуждена отметить деструктивную роль социалистического учения в тех случаях, когда его программные требования, по своей сути утопические, становились отправной точкой для политической практики. По мнению либералов, фактически это была апелляция к низменным инстинктам толпы, которая не брала на вооружение теоретические принципы, лежавшие в основании социалистических учений, а «выхватывала» лозунги, подразумевавшие тотальное перераспределение, а следовательно, разрушение всякого правопорядка в стране. «Отношение социалистических партий к несоциалистической России — отношение ничтожного меньшинства к огромному большинству. Если и верно утверждение, что за теорией антисоциализма, исповедуемой кучкой интеллигентов, стоит огромная масса аполитических слоев населения и ею покрываются своекорыстные классовые интересы буржуазных слоев, то ведь, и с другой стороны, верно, что за кучкой социалистов-доктринеров стоит огромная аморфная масса темных слоев населения, в которой социалистические лозунги будят лишь смутные инстинкты, лишь анархические вождедения захватов и присвоений. Тоже собою покрывая

своего рода «классовые» интересы — своекорыстные эгоистические интересы неимущих классов»¹⁹.

При этом либеральные публицисты дифференцированно подходили к оценке разных направлений и течений в рамках социализма. Они рассчитывали на взаимопонимание с умеренными социалистами, которые схожим образом оценивали революционный процесс в России, предполагая хотя бы временно остановиться на достигнутом. В то же самое время либералы решительным образом выступали с критикой любых попыток «социалистической демократии» «подогревать» «аппетиты толпы», поддерживать любые проявления максимализма и экстремизма. Прежде всего речь шла о леворадикальных социалистах (большевиках и анархистах), продолжавших и после победы Февральской революции настаивать на «углублении» революционного процесса. По словам А. С. Изгоева, большевизм был разновидностью анархизма, причем в своих основных характеристиках напоминавшей царский режим, чей оборотной стороной он, в сущности, был. «Что ленинство, русский анархизм есть лишь вывернутое наизнанку русское царское самодержавие, в этом никогда не сомневались вдумчивые люди, умеющие разбираться в событиях. К несчастью, русская интеллигенция или не видела, или не имела мужества признать наличность грозных явлений, на которые наша литературная группа неоднократно указывала»²⁰.

В ходе апрельского политического кризиса риторика либеральной прессы постепенно менялась. С этого времени главную опасность для либералов в деле защиты завоеваний Февральской революции представляли не консервативные организации, которые к этому времени окончательно распались, а леворадикальные социалистические партии, прежде всего большевики. Приезд в Россию политических эмигрантов в апреле 1917 г. вызвал в либеральной прессе шквал разоблачительных статей с прозрачными намеками на их сотрудничество с германскими и австро-венгерскими властями, а также со спецслужбами враждебных государств²¹.

Апрельский кризис стимулировал формирование из осколков партий октябристов и прогрессистов новых либеральных партий (Российской радикально-демократической партии²², Либерально-республиканской партии²³), которые попытались выступить в роли конкурентов кадетской партии. Пресса вновь возникших либеральных партий стала выступать с критикой кадетской политической линии²⁴. Временное единство либерального спектра вновь было разрушено, что, естественно, вело к ослаблению воздействия либералов на массовое сознание и общественное мнение.

Продолжая в целом поддерживать в печати политику кабинета министров, либеральные публицисты кадетского толка еще больше усилили акцент на разъяснение различий между их собственным тактическим курсом и правительственным. Лидеры кадетской партии прекрасно понимали, что Временное правительство сформировано из представителей различных политических сил, по-разному представлявших пути и темпы преобразования России. Стоит напомнить, что на процесс формирования первого состава Временного правительства определенное влияние оказывал Временный комитет Государственной думы, в который входили представители различных думских фракций. Не удалось полностью освободиться от этого влияния и второму составу Временного правительства. Учитывая это

объективное обстоятельство, кадетские лидеры стремились предстать в общественном мнении независимыми от думских традиций, которые напоминали об Основных законах 1906 г., цензовом избирательном праве и т. д. Кадетские лидеры хотели раз и навсегда освободиться от наследия прошлого, стать в глазах общественности подлинно демократической партией²⁵. Именно на это был сделан упор в кадетской печати.

В ходе общественной дискуссии слова о демократии звучали все громче. Кадетам становилось все сложнее соответствовать радикализировавшимся настроениям в стране. В июле 1917 г. либералы констатировали, что революция «мутировала» за последние полгода. Она перестала быть национальной, обратившись в классовую или партийную. Движимая эгоизмом корпоративных, социальных, этнических групп, она была обречена потерпеть итоговое поражение²⁶. Июльские события 1917 г. прочертили непреодолимую границу между либералами и левыми социалистическими партиями. С этого времени в либеральной прессе уже определенно прослеживается неприятие позиции умеренных социалистических партий, представители которых вошли в состав Временного правительства. По мнению либералов, умеренные социалисты, даже критически относившиеся к попыткам экстремистов свергнуть Временное правительство и вооруженным путем захватить власть, не проявили твердости и решительности в борьбе с подобного рода поползновениями.

Еще в апреле 1917 князь Е. Н. Трубецкой подсмеивался над теми, кто пытался поставить предел революционной стихии. Он вспоминал о старушке, с которой столкнулся в Москве в декабре 1905 г. «Вдали слышны ружейная перестрелка и частные пушечные выстрелы. А в это время старушка перед колокольной креститися и охает: “Господи, когда же это, наконец, свободу запретят!” Вот яркое изображение контрреволюционной психологии, — той главной опасности, которая была причиной неудачи многих революций, в том числе и революции 1905 года. Страх перед хаосом, — таков основной мотив контрреволюционного движения», — объяснял Трубецкой. Летом 1917 г. этот страх овладел и многими кадетами²⁷. Впрочем, и тогда, в апреле 1917 г., Трубецкой отмечал всю противоречивость революционных процессов. Они основывались на силе и подразумевали прежде всего захват. В какой-то момент «революционный захват» мог втихомолку подменяться захватом контрреволюционным и обретенная свобода могла неожиданно обратиться в рабство.

В условиях предельного обострения политической борьбы во время корниловского мятежа часть либеральной оппозиции в лице кадетов поддержала генерала Л. Г. Корнилова, а либеральные элементы, группировавшиеся левее их, оказали поддержку А. Ф. Керенскому. В этот период в либеральной прессе было высказано немало разочарований в адрес революции как метода общественного преобразования, политической незрелости народных масс, которые дали увлечь себя социалистическим демагогом, курса Временного правительства, которое оказалось неспособным предотвратить в стране национальную катастрофу. Констатировалась тотальная дезорганизация власти, следствием чего были социальная разруха и деградация народного хозяйства²⁸. Как писал П. Рысс в конце августа 1917 г., «прекрасна была поэзия первых дней революции. Отвратительной

оказалась ее проза. Нет в природе вечного праздника, и счастливы народы, умеющие увлекаться буднями и будничной работой. Да, русская революция на исходе, ибо в ней не осталось энтузиазма, энергии в работе, потому что она выговорила себя и истекла словами. В этом — ее ужас и ее поражение. Были слова и не было дел, а слова без дел мертвы есть»²⁹.

Отсутствие властного правительства имело своим следствием инфляцию, снижение налоговых поступлений, кризис в промышленности — иными словами, всеми видимые признаки глубочайшего кризиса³⁰. Наконец, распад власти был чреват расползанием анархии, а значит, непрекращавшимся повсеместным насилием. «Человек человеку волк — вот звериный вывод распропагандированной демагогами толпы, отнявший хлеб у голодных и продукты промышленности у деревни. Злые и эгоистические идеи дали отравленные плоды. Разгораются бессмысленные противоречия не целых классов общества, а групп, кругов, частей одного и того же населения. В земельных захватах село идет на село, деревня против деревни, общинники против подворников, один домохозяин против другого», — писал А. И. Шингарев³¹.

После поражения корниловского мятежа либеральная печать усилила критику в адрес социалистических партий. В либеральных кругах отчетливо обозначилась тенденция к развороту вправо. Многие стали делать ставку на установление военной диктатуры, рассчитывая с помощью вооруженного насилия предотвратить неуклонное сползание страны в национальную катастрофу. Не случайно, что в этот период в либеральной прессе началась переоценка понятий «революция» и «демократия», возросло число публикаций, в которых речь шла о «недостаточной зрелости» русского общества для демократических преобразований, о преобладании в сознании большинства максималистских требований, примата разрешения социальных конфликтов насильственными методами³². Правда, в этом либеральная печать винила не Февральскую революцию как таковую, которая по-прежнему характеризовалась прежними эпитетами («славная», «общенациональная», «общенародная», «победоносная»), а прежде всего леворадикальные социалистические элементы. По мнению либеральных публицистов, «циммервальдисты» и «пораженцы», демагогически выдававшие себя за доморощенных «правдолюбцев» и сторонников «социальной справедливости», чтобы во что бы ни стало прорваться к власти, готовы были пожертвовать и «единством России», и ее «национальными интересами»³³. В отличие от первых месяцев революции осенью 1917 г. либеральная пресса в значительной мере утратила свою прежнюю респектабельность.

Октябрьский переворот, с одной стороны, на время вновь способствовал консолидации сил либеральной оппозиции, породил новый виток иллюзий восстановления прежних отношений с умеренными социалистами, которые существовали в период правительственной коалиции, а с другой — провел окончательную границу между либералами и всеми разновидностями радикального социализма.

Подытоживая события 1917 г., П. Б. Струве попытался вписать их широкий исторический контекст. По его мнению, революция началась в России не в феврале 1917 г. и даже не в 1905 г., а в 1902 г. И закончиться она должна была не созывом Учредительного собрания, а изменениями в жизни общества. В 1905 г. революции

удалось одержать ряд больших побед. А в 1917 г. такого не случилось. В сущности, она оказалась незавершенной. Следовательно, все самое важное оставалось впереди³⁴. Не вызывало сомнений, что нечто значимое ожидало Россию за поворотом.

Анализ либеральных оценок Февральской революции в России 1917 г. позволяет проследить сложный и противоречивый процесс их собственной эволюции в зависимости от динамично менявшейся ситуации в стране. В бурные дни 1917 г. эти оценки и суждения носили идеологическую нагрузку. В них содержалась значительная информация, с одной стороны, о состоянии либеральных политических партий (численности и составе, эволюции программы и тактики, взаимоотношениях с политическими союзниками и противниками), а с другой — о деятельности правительственных и общественных институтов и структур. Определяющим фактором эволюции этих оценок и суждений являлось развитие революционного процесса в стране, начатого в феврале и закончившегося в октябре 1917 г. В реальности этот стихийный процесс оказался для либералов непредсказуемым. Оценка его отдельных этапов осуществлялась уже постфактум, что ставило под сомнение прогностические возможности любых политиков столь бурной эпохи, включая и русских либералов.

И все же на излете краткого периода, дарованного историей Временному правительству, либералам порой удавалось разглядеть в бездне неизвестности проглядывавшие контуры будущего. 15 октября 1917 г. в газете «Речь» была опубликована статья «С точки зрения историка». Автор задумался о том, каким увидит 1917 г. историк сто лет спустя, в начале XXI в. Конечно, говорил публицист, будут и такие исследователи, которые предпочтут рассматривать события революционного года, исходя из его последствий, тех идей и институтов, которые утвердятся в России благодаря победе революции. «Речь» в лице своего автора с таким подходом не соглашалась. 1917 г. — особое время, скорее завершавшее прежнюю эпоху, нежели открывавшее новую. Свершившаяся катастрофа — результат практически одномоментного обвала политического строя, который давно обветшал и представлял угрозу для всей страны. «Самодержавие постепенно дряхлеет, теряет государственный разум и безошибочный жизненный инстинкт, никогда не изменявший ему в эпоху его расцвета. В конце концов оно становится смешным и презренным, внушает больше отвращения, нежели страха. Развенчанное, обесславленное, оно падает от первого случайного толчка. И тем не менее так прочно срослось оно с народным организмом, так глубоко ушло своими корнями в гущу народной жизни, что падение его производит настоящую национальную катастрофу».

Правда, крушение прежнего порядка не означало возникновение нового. За распадом власти последовал неизбежный разгул стихии, которую сложно было кому-либо остановить. Самодержавие столь прочно укоренилось в общественном сознании, что логика, модель поведения царского правительства, конечно, в искаженном виде воспроизводились всеми участниками революционного процесса, в том числе и большевиками. «Свобода была провозглашена в России, но психологическая настроенность огромного большинства не изменилась. Оттого и не могло самодержавие непосредственно смениться народодержавием. Вместо того наступило нечто вроде *междоцарствия*»³⁵, за которым с неизбежностью должно было последовать новое самодержавие.

- ¹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 371–416, 453–504.
- ² Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 448.
- ³ Трубецкой Е. Н. Народно-русская революция // Речь. 1917. 5 марта. № 55.
- ⁴ Струве П. Б. Наша задача // Русская свобода. 1917. № 1. С. 3–5.
- ⁵ Жилкин И. В. В Петрограде // Утро России. 1917. 8 марта. № 53.
- ⁶ Речь. 1917. 8 марта. № 57.
- ⁷ Речь. 1917. 9 марта. № 58.
- ⁸ Ответственность демократии // Речь. 1917. 10 марта. № 59.
- ⁹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. С. 552–592.
- ¹⁰ Старая власть пала. Да здравствует народная свобода! // Речь. 1917. 5 марта. № 55.
- ¹¹ Речь. 1917. 20 апр. № 91.
- ¹² За сорванной завесой // Речь. 1917. 11 марта. № 60.
- ¹³ Речь. 1917. 9 марта. № 58.
- ¹⁴ Речь. 1917. 9 мая. № 107; 1917. 10 мая. № 108; 1917. 12 мая. № 110.
- ¹⁵ Сыромятников Б. И. Задачи Временного правительства // Русское слово. 1917. 16 марта. № 60.
- ¹⁶ Николаев А. Б. Реформы Временного правительства // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. М., 2016. Т. 3. Вторая половина XIX — начало XX в. С. 361–413.
- ¹⁷ Речь. 1917. 25 апр. № 95.
- ¹⁸ Ростовцев М. И. Наука и революция // Русская мысль. 1917. Кн. 9–10. С. 7–8.
- ¹⁹ Каптарович Я. Принудительный социализм // Речь. 1917. 3 июня. № 128.
- ²⁰ Изгоев А. С. «Кризис» // Русская свобода. 1917. № 3. С. 32–35.
- ²¹ Дух Циммервальда // Речь. 1917. 6 июня. № 130; 14 июня. № 137.
- ²² Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. С. 803–804.
- ²³ Там же. С. 527.
- ²⁴ К текущему моменту // Отечество. 1917. 16 июля. № 1; Новое правительство // Там же. 26 июля. № 9.
- ²⁵ Речь. 1917. 8 марта. № 57.
- ²⁶ Рысс П. Запоздалая истина // Речь. 1917. 6 июля. № 156.
- ²⁷ Трубецкой Е. Н. Анархия и контрреволюция // Русское слово. 1917. 25 апр. № 91.
- ²⁸ Речь. 1917. 27 авг. № 201.
- ²⁹ Рысс П. Юбилей // Речь. 1917. 27 авг. № 201.
- ³⁰ Шингарев А. И. По наклонной плоскости // Речь. 1917. 19 сент. № 220.
- ³¹ Шингарев А. И. Развал хозяйственной жизни // Речь. 1917. 12 окт. № 240.
- ³² Ган М. О революционной власти // Речь. 1917. 14 июля. № 163.
- ³³ Речь. 1917. 13 июля. № 162; 1917. 25 июля. № 172; Рысс П. Покаяние // Речь. 1917. 17 авг. № 192.
- ³⁴ Струве П. Б. Революция и контрреволюция (несколько замечаний по поводу И. О. Левина) // Русская мысль. 1917. № 11–12. С. 57–61.
- ³⁵ Арбузов П. С точки зрения историка // Речь. 1917. 15 окт. № 243.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 33–43.
УДК 93 / 94

Аннотация: Статья посвящена эволюции взглядов русских либералов на ход политического процесса в феврале–октябре 1917 г. Их позиции за этот год динамично менялись, порой настолько радикально, что, пожалуй, даже можно говорить о качественном преобразении программы и тактики

либеральных объединений за считанные месяцы. Менялось даже значение категориальных понятий, которыми они оперировали (например, «демократия», «революция», «правительство», «социализм» и т. д.). В данном случае в качестве источников послужили материалы периодической печати 1917 г. Эти тексты позволили авторам статьи сделать вывод, что либералы в условиях революции не столько формировали повестку дня, сколько реагировали на сложившуюся конъюнктуру, которая от них лишь в малой степени зависела. Это обуславливало постепенную потерю ими существенного влияния на развитие политического процесса в России. Иначе говоря, пытаясь адаптироваться к неожиданным для них условиям 1917 г., либеральные партии и отдельные либеральные политики, сохраняя свойственную им способность к нестандартному мышлению, неожиданному видению ситуации, аналитическому пониманию проблемы, тем не менее фактически утратили политическую субъектность.

Ключевые слова: Февральская революция, либерализм, пресса, Временное правительство.

Сведения об авторах: Шелохаев В. В. — доктор исторических наук, профессор, руководитель центра «История России в XIX — начале XX в.» Института российской истории РАН (Москва, Россия); valentin4141@mail.ru | Соловьев К. А. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия); kirillsol22@yandex.ru

FOR CITATION

Shelokhaev V. V., Solovyov K. A. Liberal Diagnosis of February Revolution 1917, *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 33–43.

Abstract: The article is devoted to the evolution of liberal points of view on the political process in February — October 1917. The liberal positions changed so fast and dramatically that it is possible to stress the fact of the transformation of their programmes and tactics within the few months. The significance of the main categories of the political life (for example, “democracy”, “revolution”, “government”, “socialism” etc.) changed in their texts, too. Mainly the periodical press was used as a historical source. Because of these texts the authors made a conclusion that at the time of the revolution liberals did not make an agenda but reacted on the conjunctures that actually did not depend on them. It was a cause of the gradually loss of their influence on the political process in Russia. Trying to adjust their views to the revolution conditions liberal parties and liberal politicians certainly kept unconventionally thinking, analytical interpreting the actual problems but in fact they lost the political subjectivity.

Keywords: February revolution, liberalism, press, Provisional government.

Authors: Shelokhaev V. V. — Doctor of History, Professor, Head of the “Centre of Russian history of 19th — beginning of the 20th centuries”, Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); valentin4141@mail.ru | Solovyov K. A. — Doctor of History, Senior Researcher, Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); kirillsol22@yandex.ru

References:

Shelokhaev V. V. *Konstitucionno-demokraticeskaja partija v Rossii i emigracii* (Moscow, 2015).

Rossijskiy liberalizm serediny 18 — nachala 20 veka: enciklopedija (Moscow, 2010).

Nikolaev A. B. ‘Reformy Vremennogo pravitelstva’, *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.*, Vol. 3. *Vtoraja polovina 19 — nachalo XX v.* (Moscow, 2016).